

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

A man and a woman are shown in a modern, brightly lit interior. The woman, in the foreground, has long brown hair and is wearing a light-colored, vertically striped turtleneck sweater. She is looking off to the side with a thoughtful expression, her hand near her chin. The man, standing behind her, has a beard and is wearing a light blue button-down shirt. He is looking in the same direction as the woman. The background features large windows with a view of a city skyline under a blue sky. The overall color palette is dominated by warm oranges and reds from the interior lighting, contrasting with the cool blues of the sky and the man's shirt.

ТЫ У МЕНЯ
ПОД КОЖЕЙ

Юлия Резник

Ты у меня под кожей

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Когда мы познакомились с Быстровой, я был желторотым солдатом, а она – моим инструктором по спецподготовке. А ещё самой красивой женщиной из всех, что я когда-либо видел. Немудрено, что я влюбился, как дурак. Как оказалось – это не лечится. И пусть с тех пор многое изменилось – я стал влиятельной фигурой в структурах разведки, обзавёлся связями и влиянием, меня на ней все так же клинит. И не оставляет мысль взять ее без спроса. Просто потому, что с недавних пор она у меня в руках.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юлия Резник

Ты у меня под кожей

Глава 1

Ринат

– Первый, что там у вас?

– У нас все чисто.

А значит, группа заняла свои позиции и готова действовать. Ждут лишь мою отмашку. Но я почему-то с этим не тороплюсь. Смотрю из окна бронированного микроавтобуса на пролетающие мимо машины. Скольжу взглядом вверх, туда, где между невысоких домов исторического центра виднеется серое полотно неба, и мысленно еще раз все просчитываю. В моей работе не место накладкам. Все должно пройти согласно утвержденному плану. От и до.

– Ринат Ильич... – нервничает сидящий со мной рядом альфач, – время.

Голос Гуреева звучит неуверенно. Потому что главный здесь я, как ни крути. И поторапливать меня – решение, за которое в иной ситуации может здорово прилететь. Впрочем, на этот раз я лишь отрывисто киваю и возвращаю внимание к мониторам, на которые выведены изображения установленных в доме камер. Медлю секунду, прежде чем по давниш-

ней армейской привычке склоняю голову к плечу и бросаю в гарнитуру короткое:

– Тогда поехали.

Дальше все идет по накатанной. Кому-то происходящее может показаться адом, но для меня это просто разминка. Задержание какого-то там замминистра – это вам не операция по освобождению заложников из заминированного здания, находящегося под контролем двух десятков отбитых на всю голову боевиков. А так... Можно сказать, рядовое событие.

В дом Быстрова группа захвата проникает с торца, через крышу. Чтобы не спугнуть. И чтобы вышла красивая картинка для новостей – об этом тоже забывать не стоит. Вопросу освещения задержания генерала в моем плане отведена своя немаловажная роль.

Быстров даже не успевает выйти из-за стола, когда его заламывают. Сработано идеально.

– У нас посторонние! – звучит голос третьего. Переключая внимание на другой монитор и краем глаза успеваю заметить, как один из бойцов, применив силовой, сбивает с ног женщину. Это может быть кто угодно, но её я узнаю, кажется, сразу. И не иначе как от неожиданности меня позорно ведет.

– Какая-то баба. Как она сюда попала?!

– Это дочка Быстрова, – проясняю ситуацию и приближаю картинку. Мне еще предстоит выяснить, как она очутилась в доме, а пока до этого не доходит черед. И лишь в затылке

начинает противно покаяваться, когда я вижу тонкую струйку крови, стекающую из уголка ее рта, и боль, затаившуюся в глазах. Боец довольно бесцеремонно заламывает Саше руку, толкает ее лицом в пол и наваливается сверху, вдавив коленку ей между лопаток. И вроде бы ничего такого. Опять же, все стандартно. Если бы на месте Саши была любая другая женщина, я бы, скорее всего, промолчал, а тут в один момент завелся: – Какого хрена ты разлегся, третий? – цежу, отмахиваясь от бурлящих внутри чувств и желания навалить этому уроду, пожаром распространяющегося по моим венам. – Делом займись. Мы еще не закончили.

– А с этой что?

– А эту к остальным веди. Там решим.

Боец стремительно поднимается. Не ослабляя захвата, начинает тащить Сашу за собой вверх по лестнице. За широким шагом тренированного альфаца угнаться сложно. Но Саше каким-то образом удается и это. Она замедляется лишь на секунду, проходя мимо камеры. Поднимает взгляд и смотрит так, будто точно знает, что та установлена именно здесь. Прямо в мои глаза смотрит. Мое сердце в груди предательски подскакивает и со всей дури ударяется о ребра, как всегда при виде этой роковой для меня женщины.

Хватаю балаклаву, надеваю на голову и выхожу. Не надо, чтобы меня здесь видели. Но с другой стороны, моя прямая обязанность – проконтролировать происходящее. Обыск, выемку – все. Надо, чтобы шоу выглядело натурально.

Редкие прохожие шарахаются в сторону. Хотя при мне даже оружия нет. Толкаю дверь. Взлетаю вверх по ступенькам на нужный этаж, заранее предупредив парней о своем приближении. Ребята уже полным ходом работают, когда я захожу в кабинет – уютную, со вкусом обставленную комнату, в которой за какие-то пару минут все умудрились перевернуть вверх дном.

– Сейф вскрыли?

– Так точно.

Киваю и, больше не в силах противиться окутавшему меня мороку, перевожу взгляд на Сашу. Она сидит на стуле, руки скованы за спиной, отчего ее тяжелая грудь выпячена вперед и выглядит еще больше. С трудом гашу желание стащить с себя пиджак, чтобы прикрыть ее сию же секунду. Мне кажется, на неё пялится каждый мужик, присутствующий в комнате, хотя это не так. Со мной работают гребаные профессионалы, которых не сбить с толку так просто. Один я ведусь... До сих пор ведусь, как пацан последний. И пялюсь, жру её взглядом. Облизываю. Шикарную гриву волос, идеально вылепленные скулы и пухлые губы. Соскальзываю ниже. Задерживаюсь на проступивших под тонкой блузкой сосках. Сжавшихся от холода или страха? И южнее. На все такую же, как я запомнил, узкую талию, крутые бедра, обтянутые разошедшейся по шву юбкой, точеные ноги, тонкие щиколотки и слишком длинные, как для женщины, ступни с алым педикюром.

– Немедленно объяснитесь, на каком основании идет обыск, и представьтесь!

Голос Быстрова звучит почти нормально. Почти. Лишь в конце немного срывается, выдавая его волнение. Тертый каш. Сразу видно. Обычно в таких случаях даже взрослые мужики плачут, как сопливые барышни.

– Вы арестованы по подозрению в превышении должностных полномочий, в мошенничестве, совершенном в особо крупном размере, и получении взятки должностным лицом.

Саша вздрагивает. Оторвавшись от разглядывания своих коленей, впервые поднимает на меня взгляд, а секундой спустя округляет губы. Странная реакция. И если бы это не было глупостью чистой воды, я бы решил, что она меня узнала по голосу. Но такого быть не могло. Это я по ней сохну вот уже сколько лет. А Саша... Не думаю, что она вообще обо мне вспоминает.

– Это ошибка!

Я игнорирую замечание Быстрова и вместо этого равнодушно интересуюсь:

– Свои права и обязанности вы знаете, или разъяснить?

– Не надо! – рывкает тот.

– Вот и хорошо.

– Я требую адвоката!

Первый поворачивается ко мне. Я равнодушно пожимаю плечами:

– Дайте Ивану Сергеевичу телефон.

Заставляю себя собраться и, пока ребята заканчивают, вообще на нее не смотрю. Это несложно, когда есть на что переключиться. А вот от своих воспоминаний отделаться не получается, сколько я ни пытаюсь... Звуки, сопровождающие обыск, размываются и стихают. Картинка перед глазами рушится, идет пикселями. И меня воронкой засасывает прошлое.

Мне было двадцать, когда я впервые ее увидел. В числе других ребят, отобранных для подготовки в элитные подразделения, мы прибыли на засекреченную военную базу ближе к ночи.

– Нехилое такое местечко, – присвистывает один из парней, оглядывая чистенькие обитые белым сайдингом домики. На подготовке элитных войск, похоже, в нашем государстве не экономят.

– Охренеть.

Пацаны разношерстные, но лучшие – каждый в своем. Я, пожалуй, самый мелкий в группе. Есть еще Костя Стриж, но он снайпер. Ему мускулы не нужны. Придирчиво разглядываю других ребят. Здесь мы все новички, дедовщины не будет. Но не факт, что будет легко. Мужики еще не отесаны. Стоят, вон, играют мышцами... Таким только дай кого-нибудь зачморить. Я на таких насмотрелся.

Заселяемся без приключений. Часть и впрямь маленькая. Метрах в пятидесяти от КПП – штаб. Цветочки, яркая весенняя зелень. Даже непривычно как-то. Перед двухэтаж-

ным зданием штаба – плац. В глубине территории – отдельно стоящее здание столовой. Медсанчасть тут же, с торца. Левее казармы, по правую сторону, очевидно, жилье, предназначенное для штабских. А за этой всей красотой – полигон. Все новенькое, как с картинки.

На построение собирают сразу после на удивление вкусного завтрака.

– Итак, с вашими личными делами я уже имел возможность ознакомиться. Пришел черед представиться мне. Майор Салимов. Для вас теперь я папа, мама, брат и сестра. А это наш личный состав...

– Волку позорному ты папа, задница черномазая, – бормочет стоящий рядом парень. Я его сразу заметил. Гора мышц, вызывающий взгляд. Про таких говорят – сила есть, ума не надо. Как только комиссию прошел? Нетерпимых отбраковывают сразу.

– Ты что-то сказал, сержант? – майор смотрит прямо и равнодушно, но у меня один черт приподнимаются волосы на предплечьях.

– Никак нет!

В шеренге устанавливается давящая на мозги тишина. Салимов нехотя отводит взгляд и начинает представлять наших инструкторов.

– Капитан Абрамов – огневая подготовка. Лейтенант Курпатов – минно-подрывная подготовка...

Специальная, радиотехническая, разведывательная...

Становится неинтересно. Я начинаю тайком озираться по сторонам и в тот же миг замечаю ее. И все. Меня в бараний рог скручивает. Она даже в армейской форме выглядит, как фотомодель. Только те тощие, а эта... все при ней, в общем. И лицо. Удивительной красоты лицо.

– Что же касается вашей психологической подготовки, то за это отвечает лейтенант Быстрова.

Отовсюду слышатся улюлюканье и свист. Шум на секунду замирает, когда она подходит ближе, и в нем отчетливо слышится смех стоящего рядом со мной громилы:

– А можно меня начать готовить прямо сейчас?

– Да заткнись ты уже, – шепчу, так низко опуская голову, что подбородок почти касается груди. А потом совсем рядом я слышу ее голос.

– Майор...

– Командуйте, лейтенант.

Саша подходит еще ближе. Становится нос к носу с придурком. Она так близко, что до меня доносится ее пряный запах. Любой другой женщине он бы вряд ли пошел, но эта... Я вдруг понимаю, что она не может пахнуть иначе. Член в штанах болезненно дергается. Кадык прокатывается по горлу. И следующий вдох дается с трудом, хотя она на меня даже не смотрит.

– Ну, что, тогда прямо сейчас и начнем. Упал, отжался, – командует и задумчиво закусывает губы. – Сто раз для начала, думаю, в самый раз.

В строю так тихо, что я отчетливо слышу звук собственного учащенного дыхания. Здоровяк выходит из строя, дурашливо улыбается и, опустившись на плац, с силой толкает землю. Мой максимум – пятьдесят раз. Но этот идиот делает сотку, рисуясь по полной. Правда, когда встает, выглядит он уже не таким заносчивым.

– Как лихо она из тебя все дерьмо вытрахала, Жданов, – бросает кто-то смелый уже после отбоя.

– Ничего, – хмыкает тот. – Я в ответ вытрахаю из нее дурь.

– Губу закатай. Больно ты ей нужен.

– Да она не особенно разборчивая. Че пялишься? Вы, что же, о ней ничего не знаете? – в тишине отчетливо слышен скрип пружин, когда Жданов переворачивается на другой бок.

– А что мы должны знать? – проявляет любопытство еще кто-то.

– Есть у нее замечательная традиция поощрять лучшего с курса сладеньким. – Жданов гаденько ржет. – Только не говорите мне, будто сомневаетесь, что среди нас лучшим буду я.

– Гони! – разносится недоверчивый шепоток под потолком. – Ты как будто не знаешь, что за неуставные бывает.

– А ей похрен.

– Чего это?

– Да того! Она дочка Быстрова. Вы не догнали еще? Ну, дебилы-то, ё-моё.

– Ринат Ильич... Ринат Ильич!

Вынырываю из потока воспоминаний.

– Да, что у вас?

– У нас все. Можем ехать.

– Дайте мне протокол задержания. А впрочем, ладно. Потом.

– А с этими что делать?

Оборачиваюсь. Ловлю Сашин пристальный взгляд. Дергаю плечом:

– Что-что... Отпускайте.

Возвращаемся в контору, где я торчу еще бог его знает сколько времени. Отчитываюсь непосредственно перед первым лицом. И контролирую дальнейший ход следствия.

Я не чувствую ног от усталости, когда возвращаюсь домой. А тут еще звонок брата... Миша обращается ко мне не так часто, поэтому, когда он просит меня посидеть со своей годовалой дочкой, потому что у них с женой на работе случился очередной аврал, я без вопросов соглашаюсь. Мы гуляем с Машкой в парке у моего дома. Она только-только научилась ходить, и я коршуном слежу за каждым ее неуверенным шагом. Поэтому, наверное, не сразу замечаю притаившийся в тени деревьев силуэт. Но увидев, уже несколько не сомневаюсь в том, что это Саша. Я её чувствую на животном уровне. Я только не знаю, зачем она здесь. Или... все-таки знаю?

Глава 2

Саша

Надо встать. Надо что-то делать. Куда-то звонить... Кому-то. В конце концов, у отца хватает связей, и уж кто-нибудь мне точно поможет. Но я сижу, бестолково пялясь в стену, и не могу пошевелиться. В ушах шумит. Сквозь этот шум доносится ворчливый голос экономки, на которую случившееся, в отличие от меня, кажется, вообще не производит впечатления:

– Нет, вы посмотрите, что эти свиньи наделали! Перевернули дом вверх дном и свалили, а ты, Галя, убирай. Так, выходит? Вот скажи, Александра Ивановна, они что, не могли взять, чего им там надо, и уйти, как нормальные люди? Зачем было вытаскивать ящики из стола полностью? Или опустошать книжный шкаф? А чем им мешал ковер? Даже шторы, ты только посмотри... Даже шторы помяли.

Сглатываю. Кровь на лице берется корочкой, и в этом месте кожу немилосердно стягивает. Стираю потек тыльной стороной ладони и опять опускаю руку.

– Это такой психологический прием.

Во рту сухо, как в пустыне, и язык шевелится с трудом. Я едва узнаю свой голос.

– Прием? – удивленно переспрашивает Галя.

– Ну, да. Так группа захвата деморализует объект.

– Они меня деморализовали, когда ворвались в кухню с автоматами! Этого было достаточно. Я едва не поседела, вот тебе крест. Посмотри, до сих пор руки трясутся...

– Мне очень жаль, – с остервенением тру лицо.

– Эй, ты же не надумала реветь?

Как будто я когда-то ревела! Качаю головой из стороны в сторону. Одной рукой опираясь на подлокотник, помогаю себе встать.

– Саш, ты как вообще? – Галя неожиданно меняет тон, и я понимаю, что ее поведение до этого – чистой воды бравада. – Сильно они тебя приложили, ироды?!

– Да нет. Все нормально. Не беспокойся. Мне нужно переодеться, – растерянно оглядываю себя в отражении зеркала. – Здесь случайно не осталось моих вещей? Не помнишь?

– Да полно! Топай в душ. А я тогда первым делом наведу порядок у тебя в спальне. Эти козлы везде сунули свой длинный нос – там еще тот бардак.

Киваю. Медленно плетусь в свою старую детскую. Сквозь непрекращающийся шум в ушах пробивается знакомый звук. Телефон обнаруживаю на каминной полке.

– Привет! Я тебе уже сотый раз звоню, – возмущается в трубку моя лучшая подруга Наташа.

– Извини, Наташ... Я не слышала. У меня тут проблема. Точнее у отца... Я... – теряюсь. Делаю глубокий вдох, – в общем, его арестовали. А самое смешное, что я никак не соображу, как мне быть дальше. Что делать? Представляешь?

Никак не соображу.

– Так ты у него на Никитской?

– Да.

– Оставайся там. И не делай глупостей. Я сейчас подъеду.

Наверняка у Наташи полным-полно дел, и по-хорошему я должна ей возразить. Пообещать, что сама со всем справлюсь. Но я молчу, ведь и впрямь очень нуждаюсь в ее поддержке.

Сбрасываю вызов, плетусь в ванную. Моя одежда безнадежно испорчена. Впрочем, это неважно. После всего, что со мной случилось, я бы никогда ее не надела, даже останься она цела. Стаскиваю ненужные тряпки. Сжимаю пальцами мраморную столешницу под раковиной и гляжу на себя в зеркало. Долгие годы терапии не проходят даром. Еще десять лет назад, если бы на меня вот так со спины напали, я бы со страху обделалась. А сейчас – ничего. Держусь. Только зрачки, как у наркоманки, расширены.

Встаю под душ. С остервенением тру тело, которого касались чужие руки. Я не хочу вспоминать, не хочу прокручивать в голове, останавливаясь на деталях того, что случилось. И меньше всего хочу гадать – действительно ли это был он. Не почудилось ли мне с перепугу? Не выдаю ли я желаемое за действительное? Ведь, насколько я знаю, Орлов – не последний человек в структурах разведки. И не по чину ему принимать участие в задержаниях подобного рода, и вообще не по адресу. Но голос... Мне кажется, я бы его из тысяч

других узнала. Как и присущую лишь ему одному пластику, которая с возрастом ничуть не изменилась. И которую он даже не потрудился замаскировать, хотя наверняка знал о моих прокачанных навыках одного из лучших в стране психологов-физиогномистов. Впрочем, его лица я не видала. Лишь глаза в прорезях маски.

Глаза – зеркало души. Это точно. А у него глаза были чистые-чистые. Синие. Может быть, Васильком его прозвали как раз из-за них, а не потому, что этот дурачок задаривал меня васильками, которые собирал каждое утро в лесу, окружающем базу. Василек, да... Как для бойца, не слишком грозное прозвище, из-за которого над ним постоянно подтрунивали сослуживцы. А Ринату, казалось, вообще до этого не было дела. Я редко видела настолько самодостаточных мужчин в столь юном возрасте. Возможно, этим он меня и взял? Тогда... Я ведь почти влюбилась.

Закручиваю кран, выхожу из ванной. Надеваю толстый махровый халат и иду в кухню, чтобы сделать себе чаю. Первой приезжает Наташа. А следом за ней – адвокат отца. Мне все же удастся его вызвонить, хоть и не с первого раза.

– Ну, что там, Леонид Савельич?

– Ничего хорошего, Саша. Им нужен козел отпущения – и очень похоже, что твой отец станет им. Ты знаешь, как у нас работает эта система.

Я холодею. По позвоночнику рябью проходит дрожь. Папе хорошо за шестьдесят, и в последнее время у него начало

пошаливать сердце.

– Он хотел уйти на пенсию, но его упростили остаться. А теперь что получается? – нервно трут виски.

– Я не знаю, – сокрушенно качает головой Кайдалов. – Пока его даже под домашний арест отпускать не торопятся.

– Черте что. Когда я смогу с ним увидеться?

– Сашенька, как только это станет возможно – я тебе сообщу. А пока собери ему самое необходимое. Передачку уж я как-нибудь пронесу.

Спустя четверть часа адвокат отца уходит, оставляя после себя тягостное ощущение безнадёги.

– Здесь есть чего-нибудь выпить? – интересуется Наташа, озираясь по сторонам. Кухня – наименее пострадавшее в ходе обыска место, и мы с подругой решаем обосноваться в ней.

– Я не буду. Но ты, если хочешь, бери. Винный холодильник слева от обычного.

– Зря. На твоём месте я бы здорово нажралась.

– И это советует мой психолог, – с трудом растягиваю губы в улыбке.

– В первую очередь, я твоя подруга, – резонно замечает Наташа.

– И то так. Может быть, выпью потом.

– А сейчас? Что ты сейчас думаешь делать? Есть какой-нибудь план?

– Нет. Вообще никакого, веришь?

– Не хочешь обратиться к своему Жданову?

Резко вскидываю ресницы, и когда наши с подругой взгляды встречаются, медленно качаю головой из стороны в сторону. Несколько лет назад я решила, что взяла под контроль своих демонов и вполне готова начать нормальную жизнь – остепениться, остановиться на одном мужчине. Я действительно поверила, что созрела для отношений. Ко всем этим глупостям вроде «долго и счастливо»... Наверное, поэтому, когда мы встретились с Юрой на одном из совещаний в министерстве, и он, уже ни на что не надеясь, пригласил меня на свидание, я согласилась. Хотя в учебке он мне никогда не нравился, и переспала я с ним исключительно для того, чтобы поставить на место Орлова. Наказать его за ту боль, что он мне причинил. Как бы то ни было, со Ждановым мы встречались почти два года. Я думала, будто у нас все серьезно. И только никак не могла понять, отчего же он медлит с предложением руки и сердца. Несколько раз я даже непрозрачно ему намекала, что вполне готова к этому шагу, тогда как он уводил разговор в сторону. А я была слишком хорошим профессионалом, чтобы его не раскусить. Пусть с опозданием, но все же я поняла, что Юра никогда не собирался на мне жениться. Я вообще не из тех женщин, на которых женятся.

«Подстилка... Подстилка... Подстилка»... – звучит в голове.

Которая, ко всему прочему, не становится моложе.

– Может быть, тебе стоит попытаться узнать, кто стоит за

этим делом, и...

– И что?

Наташа пожимает пухлыми плечами:

– И попытаться на него выйти.

– Смешно, но, кажется, это мне и так известно.

Шампанское идет у Наташки носом. Она откашливается, смаргивает слезы с глаз.

– Серьезно?

– Орлов! Помнишь, я тебе рассказывала о симпатичном мальчишке, который мне васильки таскал в учебке?

– Тот, который недобитый шпион?

– Недобитых шпионов не бывает, – смеюсь, хотя в глазах стоят слезы. Еще чуть-чуть, и скачусь в истерику.

– Так это же все упрощает!

– Думаешь?

– Ну да. Если он к тебе неровно дышит... – Наташкины глаза загораются азартом. – Послушай, он женат?

– Насколько я знаю – нет. А ты к чему ведешь? – я сощуриваюсь, как если бы сама буквально пару минут назад не думала об этом.

– Ты могла бы его обаять и попросить для отца снисхождения. Если он такой крутой – глядишь, чего и получится.

– Поверить не могу, что это говоришь мне ты. Та, которая годами убеждала меня научиться ценить себя и свое тело.

– Ну, я же не толкаю тебя к нему сразу в постель! – тушуете Наташа.

– А чем, ты думаешь, мне придется расплачиваться? Если, конечно, допустить мысль, что до этого вообще дойдет? – цинизм слов царапает горло, душит. Я откашливаюсь и отворачиваюсь к стене. Сама не знаю, на что обижена. Ну, а что? Одним мужиком больше – одним меньше. Подумаешь... Такая незамысловатая логика всем понятна.

– Сашка... Саш, извини. Я правда глупость какую-то сморозила. Это с перепугу – не иначе. Ну, прости дуру, Саш... – Наташа протягивает руки и с силой прижимает меня к себе. Я чувствую легкий исходящий от ее дыхания дух алкоголя и свежий аромат духов.

– Конечно, глупость. Разве не глупо думать, что он через столько лет все еще во мне заинтересован?

– Но ты ведь говорила, что после он тоже к тебе подкатывал? Хотя нет, не слушай меня! Бред это все. И тебе совершенно точно не надо. Не может быть, чтобы не было другого выхода.

– Да, наверное.

На самом деле выхода я как раз и не вижу. А соглашаюсь с подругой лишь для того, чтобы ее успокоить.

– А что, если тебе с ним просто поговорить? По старой дружбе? От тебя же не убудет?

– Господи, Наташка, я ведь тогда его клоуном выставила перед целым взводом.

– Это когда оставила его без трусов в бане?

– Ну да.

– Он сам виноват. Не нужно было на тебя спорить! К тому же, судя по тому, что он потом еще не раз к тебе подкатывал, обошлось без душевной травмы.

– Он слишком мужик для этого, – признаю очевидное.

– Ну? Вот видишь!

– Что ты мне предлагаешь?! – злюсь.

– Так ведь я уже сказала. Поговори с ним.

– Он – профессионал, – вздыхаю тяжело, – и не станет мешать личное с работой. К тому же, господи, Нат... Пятнадцать лет прошло. Я уже не та шикарная красотка, которая вскружила голову солдату. В иерархии мы давно поменялись местами.

– Просто поговори с ним. Прямо сейчас! По горячим следам. Потом, как ты понимаешь, будет поздно.

С сомнением кошусь на подругу. Не знаю, как быть. Тревога за отца звенит внутри, и в какой-то момент этот звон становится таким громким, что заглушает собой все другое. Голос совести, страх, сомнения... Я медленно поднимаюсь.

– Знаешь, думаю, ты права. Мне действительно нужно поговорить с ним.

– Хочешь, я поеду с тобой?

Качаю головой из стороны в сторону – нет. Я не хочу. Потому что не знаю, кем выйду из этого разговора. Вполне возможно, это буду уже не я.

– Я сама.

– Может, тебе лучше взять водителя? Смотри, как у тебя

дрожат руки.

– Нет. Я сейчас только переоденусь, а потом поеду прямо к нему...

Меня охватывает странное возбуждение. В доме отца не так уж много моих вещей. Я давно живу отдельно. По хорошему, мне бы заехать к себе, но я не хочу терять время. Поэтому ограничиваюсь найденными джинсами и свитерком. Провожая Наташу до такси и сажусь в свое авто. Я не знаю, где живет Орлов. И еду к месту, где, по словам адвоката отца, его содержат, решив, что Ринат обязательно будет там. Паркую машину и жду, не уверенная даже, что он на самом деле здесь. Сколько так проходит времени – не знаю. Но когда я теряю всякую надежду, замечаю его внушительную фигуру. Он скрывается в салоне автомобиля так же стремительно, как выходит из здания. Я не успеваю выскочить из своей машины. Поэтому, недолго думая, еду за ним. Чтобы безнадёжно отстать на въезде в элитный жилищный комплекс. Дальше нельзя – дорогу перегородил шлагбаум. Чертыхаясь, я бросаю свой БМВ и дальше иду пешком. Территория вокруг домов ограждена красивыми коваными заборчиками. На калитках висят домофоны. К счастью, мне удастся прошмыгнуть во двор вслед за молодой парой. Я иду уверенно, будто точно знаю, куда, и в отчаянии оглядываюсь по сторонам. Его замечаю практически тут же. Его... и маленькую девочку, которую он держит за руку.

Глава 3

Саша

Первое желание – сбежать. На мгновение оно берет надо мной верх, и я начинаю пятиться. Каблуки туфель вязнут в чем-то мягком. Я моргаю и опускаю взгляд на защитное покрытие, которым теперь устилают детские площадки в целях безопасности. В моем советском детстве о таком даже мечтать не приходилось. Вот не зря я совершенно не скучаю по тому времени. Сейчас жизнь гораздо лучше. Если бы только годы не бежали так быстро...

На секунду теряю равновесие. Выпрямляюсь и будто с разбега наталкиваюсь на его взгляд. Бежать теперь – трусливо и глупо. Заставляю себя держать спину прямо, но подойти все еще не решаюсь. И продолжаю тупо на него пялиться.

Я бы соврала, если бы сказала, что Орлов совсем не изменился. Это не так. Да только возраст ему к лицу. Он из той бесячей породы мужиков, которые с годами становятся только краше. Брутальнее и мощнее.

Ринат опускает руку в карман, заставляя мой взгляд сползти ниже. Оказывается, я совершенно не готова узнать, что у него кто-то есть. А уж тем более дочь. Мой идиотский план на глазах идет трещинами. Я, наверное, выгляжу полной дурой, стоя вот так, на краю детской площадки, будто набрав воды в рот.

– Привет.

– Привет. Какая неожиданная встреча.

– Да мы вроде бы уже виделись, – иронично пожимаю плечами и обвожу взглядом его костюм. Ринат еще не успел переодеться, и теперь у меня нет никаких сомнений в том, что задержанием отца руководил он. Мой голос не дрожит просто чудом. И может быть, со стороны я выгляжу даже уверенно. Но градус паники внутри достигает критических отметок, когда я понимаю, что означает участие Рината в том, что произошло. Так просто люди его уровня к таким делам не привлекаются. А значит, все плохо. Все очень-очень плохо. И нет никакой ошибки в том, что случилось. И надежды никакой нет...

– Туше, – он улыбается и достает из кармана телефон. Сверяется с часами на экране. Спешит куда-то? Или прикидывает в уме, когда появится его женушка? Может быть, у меня совсем нет времени, а я стою и как дура молчу. С другой стороны, а что тут скажешь? Все пошло не так, как я себе успела надумать.

– Это – Маша.

– Эм... Очень приятно, – более идиотских слов и придумать сложно, но он застает меня врасплох. Я не имею совершенно никакого опыта в общении с такими крохами. Мне ей теперь тоже нужно представиться?

Пока я судорожно соображаю, как быть, девочка начинает пятиться в сторону. Ринат послушно отпускает маленькую

ручку дочки, но ни на секунду не выпускает её из виду. Я всегда знала, что он будет хорошим отцом. В нем есть для этого все... И я буду последней сволочью, если влезу сейчас в его жизнь, что бы там у меня самой ни случилось.

– Извини, я, пожалуй, пойду.

Разворачиваюсь на пятках, делаю шаг, но в тот же миг его пальцы сжимаются у меня на запястье, и я остаюсь на месте.

– Ты не сказала, зачем пришла.

Его ладони горячие, но сухие. А пальцы смыкаются как раз там, где, срывая ритм, частит пульс. Он медленно ведет вверх-вниз по невротично дергающейся венке. Так, словно ему мало видеть мою панику, а нужно еще и осязать.

– Это было ошибкой, – шепчу, облизав губы.

– Что?

– Мой приход сюда.

– Ну, это мы еще посмотрим. Пойдем.

– К-куда?

– Ко мне. Не здесь же нам разговаривать, – пожимает плечами. – Кстати, как ты меня нашла?

– Просто поехала за тобой от следственного.

– Так это был твой БМВ...

Опускаю голову и киваю. Как мне вообще пришло в голову, что он не заметит слежки?

– Машка, поросенок, оставь клумбу в покое!

Ринат выпускает мою ладонь и подхватывает дочь на руки. Сейчас он такой расслабленный и домашний, что у меня

екает внутри. Он органичен в любой своей ипостаси.

– Я все-таки пойду... – осуществляю последнюю попытку сбежать.

– Лучше Машку поддержи. Мне нужно затащить коляску...

И пока я глупо открываю и закрываю рот в безуспешной попытке найти подходящие слова, чтобы отказаться от этой миссии, вручает мне в руки девочку. Наши с Машей глаза встречаются. На моих висках выступает пот.

– Привет, – шепчу я. Она улыбается беззубым ртом. Пот проступает на спине. Подобно ртути собирается в лунке позвоночника и медленно стекает вниз. Улыбка намертво приклеивается к моим губам. Они немеют.

– Вот и все. Давай-ка эту красотку...

Мой вздох облегчения настолько громкий, что Ринат в момент осекается.

– Все нормально?

– Угу. Она совсем на тебя не похожа, – говорю ему, только чтобы не молчать. Не похожа. Разве только глаза...

– Это хорошо. Иначе мой брат расстроился бы.

– Твой брат? – туплю я.

– Угу. Отец этой сладкой крошки.

– Так это не твоя дочь? – я открываю рот.

– Нет, конечно. А ты что подумала? – Ринат вставляет ключи в замок, а я вообще не помню, как мы очутились перед дверью в его квартиру. Все, как в тумане.

– Это неважно, – шепчу я, вытирая пот со лба.

– Чай? Кофе? – он стаскивает туфли и ставит их в обувной шкаф.

– Если можно, воды.

Скрывая нарастающий интерес, тайком обвожу взглядом берлогу Рината. Она впечатляет. И размером, и обстановкой. Ничего вычурного здесь нет, но вся мебель добротная и функциональная.

– Нравится?

Я тру одну ногу о другую, ругая себя за несобранность, и киваю:

– Мило.

– Располагайся. Я на минуту отлучусь. Вымою Машке руки, а то где только они не были.

Когда широкая спина Орлова скрывается за дверью ванной, я прохожу в кухонную зону. Падаю на барный стул и прячу лицо в ладонях. Это какой-то сюр... Сумасшествие чистой воды. Я не знаю, как в нем уживаются два настолько разных человека. Серый кардинал, координирующий работу, может быть, всех спецслужб, и... Машин дядюшка. Даже то, что он позволяет мне коснуться этой части своей жизни – странно. Очень странно. В его деле так не принято поступать.

– Я слушаю, – говорит он, вернувшись в комнату.

– А Маша где?

– О ней не беспокойся. Ты же пришла обсудить возникшую вокруг твоего отца ситуацию?

Не совсем, но с чего-то же нужно начать?

– Да.

– Я не могу сказать тебе ничего, кроме того, что уже известно адвокату Ивана Сергеевича.

– Черта с два ты не можешь!

Удивленный моей вспышкой Ринат чуть приподнимает брови. Его взгляд соскальзывает, задерживается на моих губах и опускается ниже. Прямо к моей яростно вздымающейся груди. Означает ли это, что он все еще заинтересован? Быстрым движением языка прохожусь по губам. И плотнее сжимаю бедра. Какая я дура все-таки! Не следовало мне спешить. Нужно было и впрямь заехать домой. Принарядиться. Накраситься, чтобы скрыть рану в уголке рта и тени под глазами, выдающие возраст.

– Ты можешь все.

Так же медленно его взгляд возвращается к моим глазам.

– Боюсь, ты слишком преувеличиваешь мои возможности.

– Да брось, Орлов. Все знают, кто у вас решает такие вопросы.

Он ничего не отвечает. Просто смотрит. Так... внимательно, будто посредством глаз препарирует мои мысли.

– И в чем, по-твоему, мой интерес?

– Интерес? – бормочу, словно под гипнозом.

– Да. Почему я должен тебе помогать?

Я уверена – он давно уже знает, что я решила ему пред-

ложить. И от того его губы брезгливо кривятся, прежде чем он успевает вернуть на лицо маску невозмутимости. Я себя почти ненавижу в этот момент. Стыд бьет наотмашь огненной плетью. Вся моя бравада растворяется, исчезает. Будто оправдываясь, я умоляюще шепчу совсем не то, что планировала:

– У отца сердце. Случись что – в камере он вряд ли получит необходимую помощь.

Орлов молчит. Молчит так долго, что я, собравшись с силами, сама подставляюсь под перекрестный огонь его глаз. И в тот момент ломаюсь, не выдержав их чудовищной мощи.

– Пожалуйста, – шепчу, облизав губы, – я для начала прошу не так много. – Хватаю его руку, глажу. Отец – это все, что у меня есть. И, если честно, сейчас я жалею себя. Не его. Ведь если с ним что-то случится, я останусь совершенно одна. А у меня и так немного причин держаться за эту жизнь. Отец, считай, самая стоящая.

– Ты что... ты мне себя предлагаешь?

В его голосе мне слышится металл. Я уже сломлена. И терять мне нечего. Даже гордости не осталось.

– Ты же всегда обо мне мечтал.

Ринат откидывается на спинку барного стула. Складывает на груди руки, не сводя с меня колючего злого взгляда. Да... Я не ошиблась. Он по-настоящему зол. Он, может быть, даже в бешенстве. Просто не показывает этого, прекрасно владея собой. На руках выступают мурашки. Я натягиваю рукава на

ладони и ежусь.

– С того времени утекло много воды. И как бы тебе сказать, чтобы не обидеть? Моя мечта значительно поблекла.

Наотмашь. Почти смертельно. Что ж... я заслужила. И прав он. Прав, господи, зачем ему сорокалетняя тетка на пять лет старше? Я не просто дура. Я жал-ка-я. Жалкая дура. Худшей смеси вряд ли найти.

– Хотя бы выпусти его под домашний арест. Пожалуйста. Можно еще добавить глупое бабское – «ради всего, что у нас было», но... Ведь ничего так и не случилось. Он причинил мне боль. Я – ему. И забыли. Потому что он снова прав, прошло черте сколько времени. И не только мечты поблекли. Но и воспоминания. Ничего не осталось, да. Зря я пришла.

– Выпустить? А ты уже решила, что мне предложишь за это?

Он насмехается надо мной. Я это понимаю. Но почему-то даже не злюсь. Есть в этой насмешке что-то еще, чего я пока не могу идентифицировать. Он как будто и над собой смеется.

– Все, что угодно, – поднимаю ресницы. Мне не жалко. Для него – нет. Положа руку на сердце, я бы не отказалась испытать, наконец, как это – быть с ним. Под ним... Как угодно. Стоит об этом подумать, и кондиционированный воздух в комнате становится густым и тягучим, как мед. Им не дышишь, его с жадностью поглощаешь. Ожидание невыносимо. – Ну, так что?

– Вот прямо все, что угодно?

– Да, – выдыхаю остатки кислорода и больше не дышу.

Ринат отрывисто кивает.

– Это все, что ты хотела сказать?

Растерянно пожимаю плечами. Рядом с ним я почему-то совершенно не владею собой, хотя могу и регулярно практикую. В конце концов, выдержка – немаловажная составляющая моей работы.

– Тогда не смею тебя больше задерживать.

– Но... мы ведь ничего не решили?

– Я не могу тебе обещать ничего конкретного. За исключением небольших поблажек там, где это будет возможно. И ничего сверх. Если тебя это устраивает, я заеду за тобой завтра в восемь.

Его взгляд выжигает на моем лице дыры. Он как будто чего-то ждет, и, понимая это, я торопливо киваю:

– Да, конечно.

Сделка – сильно так себе. Но ведь и я в отчаянном положении. Сейчас я готова ухватиться за любой якорь, пусть даже такой хлипкий. Другого, один черт, нет.

Я выскакиваю из-за стола, пока Орлов не передумал. Хватаю оставленную на столешнице сумочку и нечаянно задеваю своей ладонью его плечо. Ринат брезгливо отдергивает руку. Мои губы складываются в циничную улыбку. Да, у меня было много мужиков. А он весь такой чистенький, что аж тошно. Но знаете, что? По крайней мере, я никого не обма-

нываю. Он может сколько угодно корчить из себя «я не такой», но стояк у него в штанах говорит об обратном. И может, я ни черта не знаю о чувствах, но в стояках я, какой-никакой, спец.

Как выхожу из его квартиры – не помню. С трудом отыскиваю среди домов машину. Забираюсь в салон. И опускаю на руль гудящую голову.

Я не была нимфоманкой. Ничего такого. Секс для меня был своеобразным стоп-краном. Когда я чувствовала, что жизнь выходит из-под контроля, что меня заносит куда-то в... счастье, я дергала за ручку и снова окунала себя в грязь. Наверное, тут возникает резонный вопрос, зачем? Знаете, иногда с женщиной происходят страшные вещи, после которых она просто не позволяет себе быть счастливой. Не считает себя достойной...

Впрочем, и это тоже в прошлом, – проговариваю вслух, глядя на себя в зеркало заднего вида.

Да. Это в прошлом! И точка. А то, что случится завтра – совсем другое. Это – сделка. И мои тараканы здесь ни при чём. Беру трубку. Набираю номер подруги.

– Наташа?

– Ну, слава богу! Я уже извелась вся!

– Так чего не позвонила?

– Боялась помешать. Как все прошло? Ты с ним поговорила?

– Да.

– И к чему пришли? Он дал тебе какие-нибудь гарантии?

– Нет. Ничего конкретного. Просто пообещал некоторые поправки.

– Ну, это уже немало, не так ли? – осторожно интересуется Наташа.

– Да. Конечно. Ты права.

– Выходит, он решил помочь тебе по старой дружбе? Или...

– Или, – шепчу я.

– Сашка! – возмущенно шипит Наташа.

– Да знаю я, Наташ. Знаю... Только не надо. Ладно? Ты бы сама на моем месте как поступила?

Ответом мне становится тяжелый вздох подруги.

Глава 4

Ринат

Это хорошо, что у меня Машка. Благодаря ей я держусь. Что-то делаю. Улыбаюсь. Тогда как хочется все здесь разнести к чертям. И чтобы боль в кулаках отрезвила.

– А теперь вертолет! Прямо в рот, прямо в рот...

Машка родилась недоношенной. И очень плохо набирала вес. В какой-то момент вопросами ее питания озаботилась вся родня. Это стало просто идеей фикс – заставить кроху съесть побольше. Вот мы и изощрялись, кто во что горазд. Стихи придумывали, разыгрывали целые сценки, чтобы только впихнуть в нее лишнюю ложечку.

Понятия не имею, как у моего здоровяка-брата родилась эта эльфийская принцесса.

Зачерпываю еще пюре. Но Машка демонстративно выплевывает предыдущую порцию, и я откладываю в сторону баночку с детским питанием. Вытираю губки племяшки салфеткой, чмокаю хулиганку в лоб. И послушно беру на руки, когда она требовательно задирает их вверх. Улыбаюсь, даже несмотря на раздрай в душе.

Да... Мой старший брат – огромный. Младший – тоже ничего. А я долгое время оставался самым тощим из них. Самым мелким. Так что в армейке меня поначалу никто не воспринимал всерьез.

– Эй, Орленок, ты как на подготовку в спецтуру попал?

– Как все, – пыхчу, преодолевая полосу препятствий. Плечу в самом конце. За мной только Костя Стриж. Ну, и рядом – Жданов. Тот, кажется, даже с дыхания не сбился, и если бы не я, он бы давно уже курил на финише. Но какого-то хрена ему приспичило поговорить. Нашел, блин, время. Еще немного – и я просто выблюю свои легкие. Или сдамся, упаду в грязь...

– Говорят, у тебя как-то мозги неправильно работают. Не как у всех. Правда, что ли? Может, тебя из-за этого и взяли?

– Может.

– Не слишком ты разговорчив.

Молчу. Во-первых, потому что реально не хватает дышалки, а во-вторых, ну не хвалиться же мне результатами тестов, которые, в отличие от командования, лично мне вообще ни о чем не говорят? Подумаешь, великое достижение – необычная психологическая устойчивость. Лучше бы я был сильнее. А исключительная склонность к любого рода анализу – это вообще что? Думая об анализах, я представляю захудалую лабораторию, в которую как-то сунулся, проходя медкомиссию.

В общем, все это кажется мне полным бредом. Чувствую себя самозванцем. Единственный плюс – то, что из-за гребанных тестов я провожу с Сашей намного больше времени, чем все остальные. У меня необычная программа подготовки, в которой основной упор делается на овладение мною всяки-

ми разными психологическими техниками и приемами. Если честно, я вполне мог не выходить на полосу. И выперся туда по доброй воле, чтобы мужики не считали меня слабаком. А теперь вот пожинаю последствия собственной дурачьи... Ну, не идиот ли?

Но вот насколько идиот, понимаю лишь на финише, когда среди других инструкторов замечаю и Сашу. Картина маслом. Я весь в соплях и грязи. А над моими «успехами» ржет весь взвод. Сплеываю. Падаю и, перевернувшись на спину, гляжу на пролетающие мимо облака.

– Эй, Орленок! – ложится рядом Жданов.

– Чего?

– Ты с Быстровой каждый день в учебке зависаешь...

– И?

– Может, в курсе, что ей нравится? Ну, ты понял...

– Нет. Что я должен понять?

Металлический вкус крови во рту становится сильнее. Я сплеываю на сырую после дождя землю.

– Трахнуть я ее хочу, вот что! А чтобы к ней подкатить, надо знать, что ей нравится. Сечешь?

Желание вломить этому придурку просто невыносимое. Но, во-первых, за такое можно загреметь на губу, а во-вторых, меня могут вообще нахрен выгнать. Допустить такое я не могу. А потому лишь закусываю щеку, отчего вкус крови во рту становится вполне реальным. Если бы я сплюнул сейчас – слюна была бы розовой. Но главное, я молчу. Перека-

тываюсь на бок, упершись рукой в землю, встаю и иду прочь, хотя Жданов что-то зло орет мне в спину.

«Может, у меня и впрямь какая-то «необычная психологическая устойчивость»?» – впервые приходит в голову, но в ту же секунду я переключаюсь, не успев додумать эту мысль до конца.

Что ей нравится... Что ей нравится?

Ей нравится сладкое, но почему-то она пьет ужасный черный, как ночь, и горький, как слезы, кофе. Ей нравится Кант. Она сама так сказала, но, как вы понимаете, эта информация – хреновый плацдарм для подката, особенно когда ты сам этого Канта в глаза не видел. Точнее – не самого Канта, его труды! Ну, вы поняли...

Ей нравится гроза. Когда гром бабахает так, что стекла в окнах подпрыгивают. Это выяснилось, когда прямо во время нашего с ней занятия на базу обрушился ливень. Забыв обо всем, Саша подошла к окну, открыла его настежь и стояла так, в полупрофиль, кажется, вообще меня не слыша, пока стук дождя не стих. А еще ей нравятся васильки. Букетик с ними стоял у неё на столе. Цветы давно завяли, но она не спешила их выбрасывать. И время от времени поглаживала красивыми длинными пальцами поникшие лепестки.

На следующее занятие я впервые принес ей цветы.

Звонок домофона врывается в мои воспоминания непрошенным гостем.

– Па-па! – говорит Машка.

– Думаешь, уже освободился? – ухмыляюсь племяшке, иду в коридор и вывожу картинку на экран.

– Па-па!

– Да папа, папа. Ты, никак, соскучилась?

Машка кокетливо прячет личико у меня на шее. А я на секунду зажмуриваюсь, впитывая в себя ее тепло. Вот Миша ее заберет, и я опять останусь один. Тогда как прямо сейчас мне не помешала бы компания.

Я не хочу думать о предложении Саши. Потому что оно ничего не значит. На моем месте мог оказаться кто угодно. Случайно ловлю собственное отражение в зеркале и удивляюсь тому, как сильно проступили желваки на моих скулах. Выдыхаю. Но напряжение не спешит покидать мое тело и, кажется, становится только сильнее с течением времени.

– Фух, ну и денек! Никаких сил нет. – Миша врывается в мою квартиру ураганом. Такой энергичный и деятельный, в противовес словам.

– Зайдешь перевести дух?

– Зайду, чего не зайти? Привет, моя принцесса! Этот олух тебя не обижал?

Притворно возмущаюсь, потому что именно такой реакции от меня ждут, и первым иду в кухню. Вдруг понимаю, что голоден. Еще бы – за целый день у меня во рту не было ни крошки.

– Голодный?

– А что, у тебя есть че пожрать? – удивляется Миша.

– Нет. Картошки хочу пожарить. Надо было мне тоже сесть поближе к мамочке, – привычно подкалываю старшего, который, не будь дураком, и впрямь купил себе квартиру в одном подъезде с матерью, а потому, в отличие от меня, никогда не голодал.

– Ариша отстранила мать от готовки, – Миха перехватывает дочь поудобнее, садится за стойку и мечтательно откидывает голову. Ариша – это его жена. Брат от нее без ума. Как и мы все. Я безумно за него рад. Вот бы только собственное одиночество на фоне его семейного счастья так сильно не бросалось в глаза...

В памяти не вовремя всплывает наш разговор с Сашей.

– Ты что... ты мне себя предлагаешь?

Нет, я не дурак, и сразу понимаю, к чему она клонит, просто... Еще на что-то надеюсь. И не жалея себя, хватаюсь за струны, что со звоном обрываются у меня внутри, в безуспешной попытке соединить их воедино.

– Ты же всегда обо мне мечтал.

Самое дерьмовое как раз то, что она права. Я о ней мечтал, да. И спустя гребаных пятнадцать лет я все еще о ней мечтаю. Хочу даже больше, чем сделать следующий вдох. Но не так же, мать его! Не так. В ту секунду я её не хочу. Я её почти ненавижу.

– С того времени утекло много воды. И как бы тебе сказать, чтобы не обидеть? Моя мечта значительно поблекла.

Кровь приливает к ее щекам. На какой-то миг мне кажется,

ся, что она пошлет меня куда подальше. А потом я вижу, как Саша ломается... И все. Она не нравится мне такой. Другое дело – дерзкая Саша. Та Саша, которая бросила меня в бане со спущенными штанами, узнав, что я на нее поспорил. И пусть это сделало меня посмешищем в глазах десятков бойцов, я не мог не восхищаться тем, какую изощренную месть она придумала. Как филигранно все провернула. И как я повелся только?

– Хотя бы выпусти его под домашний арест. Пожалуйста.

– Выпустить? А ты уже решила, что мне предложишь за это?

Даже не пытаюсь скрыть насмешку в голосе. Но я ведь не над ней смеюсь! А над собой. Над этой идиотской влюбленностью, с которой не могу справиться даже при помощи самых хитрых психологических приемов, которыми в совершенстве владею.

– Все, что угодно.

Я зажмуриваюсь, чтобы она не увидела в моих глазах демонов, которых выпустила своими словами. И которых я никак не могу взять под контроль.

– Ринат!

Моргаю.

– Да? Извини, кажется, я задумался.

– Угу... У тебя как вообще, все хорошо?

– А что мне будет? Вот. Почисть картошку, я пока сковородку найду.

– Надеюсь, мы с Машкой не помешали ничему важному?

С хлопком закрываю дверцу шкафчика и оборачиваюсь к брату.

– Ты это о чем?

– О дамской сумочке в коридоре.

Откладываю злосчастную сковородку и выхожу в холл. И правда. Саша забыла сумочку. Высыпаю содержимое на стол. Угрызений совести по этому поводу не испытываю.

Жвачка, зарядное, флакон духов, ключи и блокнот в кожаном переплете – вот и весь скарб. Телефона нет. Может, позвонить? Сказать, что сумка у меня осталась? Подумав, отказываюсь от этой мысли тут же. Не думаю, что готов услышать её сейчас. Когда захлестывают ревность и злость. Почему ревность? Да потому, что я знаю, кто ее трахает. Даже интересно, почему она не обратилась к нему. Нет, расчет-то, конечно, верный. У Юрца нет нужного влияния. Но как он смотрит на то, что его баба предлагает себя другому?

Затылок сводит. Я задираю лицо к потолку и судорожно глотаю воздух.

– Эй, мужик... Ну, что с тобой, а?

– Нормально все. Картошку почистил?

– Я тебе что – кухонный комбайн? – притворно возмущается Миша, но в его глазах лишь беспокойство. Он для меня как отец. Я не хочу добавлять ему беспокойства. Поэтому, проходя мимо, похлопываю по плечу:

– Мих, я действительно в норме. А бабы... они же кому

хочешь мозг вынесут, правда?

– Ха! Кому ты об этом рассказываешь?

– Что так? – ухмыляюсь, зная, что за них с Аришей я теперь уж точно могу не волноваться. А значит, у Миши очередная надуманная проблема.

– Да вот. Опять моя женушка наставила себе смен! А ты, значит, Миша, справляйся без внимания жены как хочешь.

– Ты не выглядишь несчастным, – смеюсь я.

– Ну-у-у, признаться, чувство вины делает её... эм...

– Все-все! – машу руками. – Слышать ничего не хочу. Пожалей младшего брата, который не ведал ласки вот уже сколько дней!

– А как же эта? – осторожный вопрос и кивок в сторону коридора, где так и осталась злосчастная сумка.

– А с этой мы до сладкого не дошли. И не знаю, дойдем ли.

Я, наверное, последний идиот, раз отказываюсь, но... Ничего не могу с этим поделать.

Картошка подгорает, разговор с братом помогает отвлечься. Злость на Сашу возвращается, лишь когда они с Машкой уезжают, потому что та начинает капризничать. Не помогают ни душ, ни полуторачасовая силовая тренировка в зале. Ближе к утру я понимаю, что совсем отказаться от неё не могу. Даю себе зарок не погружаться в это так уж слишком. Понаблюдать. За ней... За собой. Что, если я реагирую на нее рефлекторно? Не попробую – не узнаю. В конце концов, никто меня не заставляет идти на уступки и с разбега сигать

к ней в кровать. Разработка Быстрова велась не для этого. У меня свой план. В который я не собираюсь посвящать посторонних. Всему свое время. Все вскроется, когда я посчитаю нужным.

Пятницу провожу на автомате. Даже работа с Быстрым проходит будто сквозь меня. Злюсь. Но все мои попытки отвлечься тщетны. Саша пробралась в мои мысли и прочно обосновалась там. Вечера жду, как манны небесной. Но стрелки, кажется, вообще не движутся. Ей звоню ровно в шесть. Томлю специально. Хочу, чтобы она рассердилась, послала меня куда подальше, но в ответ на мое «Я заеду за тобой в восемь. Будь готова» она лишь взволнованно спрашивает:

– Тебе прислать адрес или...

Я знаю, где она живет. Черт! Я вообще все про неё знаю. Но, напустив равнодушия в голос, бросаю:

– Присылай, конечно. Я, знаешь ли, не телепат.

Глава 5

Саша

К тому моменту, как я возвращаюсь домой, напряжение в теле становится просто чудовищным. Я уже принимала душ в квартире отца, но опять чувствую себя грязной. И хоть это ощущение идет изнутри, хоть я знаю, что от него водой не отмыться, все равно первым делом иду в ванную. Соль, пена... Немного вина. А впрочем, почему немного? Я одна, и от страха сводит желудок. Или это от голода? Пока не передумала, бегу в кухню. Беру бутылку и самый большой бокал. Возвращаюсь в ванную и, наполнив его до краев, делаю жадный глоток, прежде чем раздеться. Воду я специально сделала погорячей. Она обжигает ногу, когда я переступаю через бортик ванны. Шиплю. В один присест осушаю бокал до дна. Горячая вода снаружи, холодное Розе внутри. Как мне кажется, идеальное сочетание. На пустой желудок одной порции более чем достаточно, но я решаю на этом не останавливаться. Глупо хихикая, наливаю себе еще. И ложусь в воду. Мои глаза закрыты. А на обратной стороне век транслируют кино из прошлого. Я знала, что этого мне не избежать. Я знала... Потому и пила.

На закрытой военной базе я служу третий год. Не так долго, но за это время каких только парней я ни повидала. Впрочем, Орлов Ринат Ильич... – веду пальцем по его личному

делу – что-то, совершенно особенное. Это понимают, кажется, все. Кроме него самого. Он же, как и большинство мужиков, заиклен на внешнем. Тогда как его уникальность скрыта внутри. Мне предстоит сделать так, чтобы он это понял. Иначе просто не выйдет раскрыть его исключительный талант. И найти ему применение.

– Чего ты боишься, боец? – бросаю последний взгляд на васильки, которые появляются у меня на столе теперь каждое утро, и отхожу к доске.

– Я ничего не боюсь, – тут же вскидывается этот глупый. Конечно, у него полно страхов. Страхи присущи нам всем. Просто мальчикам с детства внушают, что страх – это что-то плохое. Вот он и хорохорится передо мной. И в этом его основная ошибка.

– Зря!

– Почему это? – Ринат сощуривается, отчего его взгляд, проникающий через узкие щелочки глаз, становится острее лезвий.

– Потому что страх сохраняет нам жизнь. Именно страх подсказывает, что нам угрожает опасность, и заставляет действовать, – запинаясь, споткнувшись о его скепсис. – Кажется, мои слова не произвели на тебя должного впечатления, боец, – сухо замечаю в конце.

– Лучше бы я занимался со всеми. Почему остальные тренируются до кровавых соплей, а я – нет?

Подхожу ближе, прекрасно зная, как это на него подей-

ствует. Опираюсь бедром о парту, а сама наклоняюсь ниже, вышибая этим из него дух.

– Что ты видишь, глядя на их тренировки?

– Силу!

– А в чем для тебя заключается сила?

– Глупый вопрос.

Его взгляд затуманивается. Дыхание становится поверхностным и частым. Опасные игры, но я почему-то не могу отказать себе в удовольствии. Мне никто не дарил цветов. И никто не смотрел на меня так, как этот влюбленный мальчик.

– Курс подготовки спецназа испытывает солдата на психическую стойкость – только и всего. В нем человека вновь и вновь доводят до края, пока его психика не станет настолько сильной, что он будет уверенно браться за любое задание в любой ситуации. Или пока он не сломается, – наклоняюсь к нему еще ближе, ощущая аромат мыла. Оно самое простое, но... мышцы внизу живота предательски сокращаются. – И тут мы подходим к главному. Этих, – киваю в сторону окна, – просто испытывают.

– Тогда почему не испытывают меня?

– Потому что тебя не нужно испытывать. В мире, где все играют мускулами, эти самые мускулы, – кладу руку ему на предплечье, – на самом деле ровным счетом ничего не значат. – Пальцами другой руки касаюсь лба.

И тут совсем неожиданно он приподнимается со своего стула. Застываем нос к носу.

– И для тебя?

Мои глаза удивленно распахиваются, а нужные слова не находятся в ставшей вдруг необычно легкой голове. Каким-то совершенно непостижимым образом он умудряется меня переиграть на моем же поле.

– Ты забываешься, сержант, – сиплю я и отступаю.

– Я хочу принять участие в марш-броске.

Знал бы он, что его ждет, сказал бы спасибо, что его так трепетно оберегают.

– У тебя другой план подготовки.

Я отступаю к столу, а когда вновь поднимаю взгляд, на-талкиваюсь на его. Немигающий и до чертей упрямый.

В себя меня возвращает звук быющего стекла. Похоже, я уснула и во сне нечаянно столкнула бокал на кафельный пол. Упав, тот разбился вдребезги. Выйти из ванны, не порезав ногу, оказывается не так уж легко. Но лежать в остывшей воде и дальше – не вариант.

Веник и совок хранятся здесь же, во встроенном шкафу. Осторожно сметаю и выбрасываю осколки. Решив, что моим ступням больше ничего не угрожает, смело шагаю к крючку, на котором висит халат. Голая женщина в зеркале синхронно повторят мои движения. Я выпрямляюсь, внимательно ее разглядывая. Скольжу придирчивым взглядом от собранных на макушке волос, вниз по безупречно красивому и гладкому, несмотря на возраст, лицу, высокой груди, тонкой талии, ниже...

– Да пошел ты, Ринат! – усмехаюсь пьяно. – Пошел... ты. Поблекла я, видите ли. А вот ни черта!

Шмыгаю носом и иду, пошатываясь, прочь. Ужасно хочется спать. Я не нахожу в себе сил перезвонить Наташе и... Жданову, хотя вижу их имена в пропущенных. Не успеваю даже додумать мысль, за каким таким чертом я вдруг пондобилась последнему. С Юрой мы расстались не лучшим образом. В последнюю нашу встречу я довольно доступно ему объяснила, куда он может идти со своей незамысловатой логикой в отношении меня и... В общем, с тех пор мы ни разу не виделись. Так что мне действительно есть над чем подумать, но сонливость берет свое.

Просыпаюсь от того, что во всю глотку орет будильник. Вчера у меня был выходной, а сегодня – два семинара и три лекции у старших курсов. Надо вставать. Но пока не получается даже просто пошевелиться. Кажется, у меня и волосы болят. Не следовало мне столько пить.

Со стоном переворачиваюсь на бок и жмурюсь, потому что пробившийся сквозь занавески луч света бьет мне прямо в глаза. Заставляю себя подняться. Первым делом – две таблетки от головной боли и много-много минералки. Взахлеб. Потом душ и гораздо более плотный, чем обычно, макияж.

Взгляд замирает на стрелках будильника. Ровно восемь... Через двенадцать часов мы увидимся с Ринатом снова. Телом несется дрожь. Я облизываю губы и выхожу из квартиры.

Свою работу я обожаю. А студенты обожают меня. За кре-

ативность и интересные примеры, с помощью которых я вывожу даже самую скучную лекцию. Но сегодня я сама не своя – то и дело теряю нить повествования, делаю длинные паузы и непозволительно долго смотрю в окно.

Между лекциями звоню Наташке. Извиняюсь, что не сделала этого раньше, и при первой же возможности сбрасываю вызов, так как очень жду и боюсь пропустить звонок от Рината. А тот, будто нарочно, не торопится мне звонить. Весь день я провожу как на иголках.

В шесть часов! Он снисходит до звонка только в шесть часов вечера! Когда до выхода из квартиры остается всего ничего. А я не собрана. И абсолютно не готова куда-то идти. Впрочем, может, от меня этого и не потребуется? Вдруг его сценарий не подразумевает выхода в люди? Осекаюсь. Обвожу растерянным взглядом бардак, который устроила. Выбирая идеальное платье, я перерыла весь свой гардероб. И теперь моя спальня больше походит на барахолку. Прибавить к этому разбросанные по гостиной студенческие доклады и пустую бутылку в ванной... Ужас. В панике растираю виски.

Ну почему он не потрудился даже рассказать мне о своих планах на вечер?! Разве я так много прошу? Нет! Мне просто нужно знать, он трахнет меня сразу или после.

К черту! В любом случае, я не ударю лицом в грязь...

Хватаю чулок, но мои пальцы дрожат, и натянуть его получается только с третьего раза. Красивое полупрозрачное белье. Пояс. Ужасно сексуально. Особенно на контрасте с

красивым, но строгим платьем под горло, под которым не ожидаешь увидеть такого.

Из украшений выбираю широкое кольцо и сережки. Больше всего времени уходит на прическу. У меня очень густые волосы, и я все еще воюю с ними, укладывая то так, то эдак, когда в дверь звонят.

Дрожь с рук перекидывается на все тело. Меня слегка потряхивает, когда я открываю замки. Прислоняюсь лбом к прохладному дереву двери и, не дыша, замираю. Время, которое у Рината уходит на то, чтобы подняться, мне самой кажется вечностью. Так странно... Я прокрутила в голове тысячи вариантов этой нашей с ним встречи, но все равно не угадала, как та пройдет.

– Привет. Шикарно выглядишь. Это тебе.

Моргаю. Но картинка перед глазами не только не рассеивается, но становится еще отчетливее, потому что Ринат поднимает букет ирисов повыше. Я неловко забираю цветы из его рук. Горло отчаянно сжимается.

– Мои любимые...

– Я думал, ты любишь васильки.

Ловлю себя на том, что кусаю губы.

– Те, что ты дарил, я любила.

Ринат вздергивает брови, а я отвожу взгляд.

– Зайдешь? Или мы поедem к тебе? – спрашиваю, когда неловкая пауза затягивается. Не могу избавиться от ощущения, что Ринат вытянулся, хотя это совершенно точно не так.

А вот я, наоборот, выше, чем в учебке, потому что на каблуках, и наши глаза находятся на одном уровне. Но каким-то непостижимым образом именно он занимает собой каждый миллиметр пространства. От пола. До потолка.

– Если ты не против, мы поедem в спортивный бар.

– Спортивный бар? – мое удивление так велико, что ему уступает даже неловкость. Обвожу Рината растерянным взглядом. А ведь он и впрямь одет очень... демократично. Нет, сколько стоят подобные тряпки, я, конечно, в курсе, но непосвященный человек в жизни не догадается. На нем джинсы и модное поло... И это все ему очень идет. Меня настораживает только одно. На фоне Рината я в своем платье и на каблуках выгляжу очень странно.

– Да. Спортивный бар. Мы с друзьями договорились встретиться. Выпить пивка. Посмотреть матч. Я подумал, тебе может понравиться. Женщины там тоже будут.

Выпить пивка? Посмотреть матч? Звучит так буднично, будто передо мной соседский парень, а не один из самых влиятельных мужиков из всех, что я знаю.

– Тогда, наверное, мне стоит переодеться.

– Вообще-то мы уже опаздываем, – он косится на часы и, не оставляя мне выбора, отступает в сторону, пропуская меня к выходу первой.

Я так остро ощущаю его присутствие. Парфюм, дыхание... Он настолько реальный, а ведь мне до сих пор кажется, что это все сон. Интересно, а после бара мы поедem к

нему или ко мне?

– Саша...

– Да?

– Просто расслабься и получай удовольствие от этого вечера.

Прячу смятение за слабой улыбкой. Киваю. На улице становится чуть легче, но когда за нами захлопываются двери машины, наваждение возвращается. Здесь им пахнет еще сильнее. Аромат дорогого парфюма заводит меня ничуть не меньше запаха простого детского мыла. И страх... Он тоже заводит.

Ринат ведет машину уверенно и спокойно. Не рвет. Не орет на идиотов, которых на дороге хватает. Оказывается, мне так мало надо, чтобы тяга к нему вернулась. Страх липкой лентой сковывает грудь. Я не хочу, чтобы он мне нравился так уж слишком. Но это выше меня.

– Меня до сих пор не пустили к отцу, – говорю, откашлявшись.

– Ты ему ничем сейчас не поможешь.

– Но я хочу его, по крайней мере, увидеть! – голос неожиданно быстро срывается. Я замолкаю, удивленная скоростью, с которой теряю контроль. Нервы ни к черту. А ведь мне нужно держать себя в руках. Иначе вообще ничего не добьюсь.

– Я посмотрю, что с этим можно сделать.

В горле булькают тысячи слов. Просьб... Оправданий. Я

молчу лишь усилием воли, понимая, что сейчас он не оценит моей болтовни.

Мы паркуемся у неприметного бара в одном из спальных. Менее пафосное заведение трудно найти. Наверное, я совсем ничего о Ринате не знаю. Как-то не вяжется у меня его образ с этим местом. Или... напротив?

– Ты не волнуйся. Мои друзья – хорошие люди. Я каждого едва ли не с пеленок знаю. С некоторыми в одном классе учился.

Мне даже слышать это странно. Неужели кто-то в состоянии пронести дружбу через столько лет, несмотря на то, кем стал? Это говорит о столь многом... Я не хочу, чтобы Ринат мне нравился. Я не хочу, да! Но он мне нравится с каждой секундой сильнее.

Нервным жестом откидываю волосы за спину и тянусь к сумочке, чтобы достать помаду. В тот же миг он тоже за чем-то наклоняется, и мы оказываемся нос к носу. Сидим так чуть-чуть или, может быть, целую вечность. А потом он меня целует.

Глава 6

Ринат

Вот тебе и «не буду в нее погружаться»... Неужели я правда думал, что это возможно? Да мне ее просто стоит увидеть, и всё... Всё! О какой дистанции речь? Когда она так близко, что я слышу её сочный запах, а в глазах вижу тлеющий огонек. А ее вкус... Это же вообще что-то за гранью. Жадно слизываю его. Веду языком. Скольжу пальцами в тщательно уложенных волосах в странном желании нарушить эту хорошо продуманную безупречность. Стереть глянец, под которым она, настоящая, отгораживается от мира. А впрочем, к черту мир! От меня отгораживается...

Отстраняюсь немного и начинаю пальцами размазывать помаду по лицу. Хочу её рот голым. Он такой беззащитный без яркой вызывающей краски. Губы припухли, наверное, я причинил ей боль, когда, не сдержавшись, стал легонько покусывать.

– Ринат. – Собственное имя в ее исполнении отдает в груди тянущей болью. – Что ты делаешь? Я же теперь полчаса это оттирать буду!

Что ответить, не знаю. Скольжу ладонью вверх по шее, глажу скулу, толкаюсь пальцами в рот. Дергаюсь, как от удара, когда она неожиданно уступчиво принимает их и начинает бесстыже сосать, глядя на меня из-под отяжелевших век.

А там уже не тлеет, там горит. И я вместе с ней полыхаю.

Где-то за пределами нашего мира звучит громкий смех. В ту же секунду кто-то бесцеремонно барабанит в окно. Саша испуганно отшатывается в сторону. Я чертыхаюсь. Нашариваю кнопку стеклоподъемника. А пока стекло опускается, слежу за тем, как она, отведя взгляд, открывает дрожащими руками сумочку, чтобы достать пудреницу. Делаю глубокий вдох и с трудом заставляю себя переключиться на давнишнего приятеля, который, не скрывая интереса, заглядывает в окно.

– Привет, Дим.

– Какие люди! Я подъехал, смотрю, ты – нет?! – радостно скалится тот. Димка на два года старше, а с его женой я сидел за партой с первого по пятый класс. Юлька Сафронова... А вот, кстати, и она.

– Я-я, – усмехаюсь. – Привет, Юль...

– Привет, Орел. Дим, ну, что ты человеку всю дорогу перегородил, он даже выйти не может! Иди, я тебя обниму. Соскучилась жутко! Сто лет не виделась, занятой ты наш человек.

Спрыгиваю с подножки прямо в Юлькины объятия.

– Ох, и здоровый же ты стал.

– Ага! Наел ряху, – искренне восхищается Димка, а Юлька возмущенно тычет его в бок:

– По себе людей не судят! Тут мышцы – камень. Ты, Орлов, чего это удумал? В культуристы на старости лет податься

ся?

– Да брось. Так, занимаюсь немного для себя. Да погоди, мне еще девушку нужно выпустить... – смеюсь и мягко высвобождаюсь из захвата Юлькиных рук.

– Твоя? – шепчет та, с любопытством вытягивает шею, будто это последняя возможность разглядеть мою спутницу.

Моя ли? А вот хрен его знает. Пожимаю плечами и, стараясь об этом не думать, обхожу капот, чтобы открыть Саше дверь.

– Ты как, в порядке?

– Да.

Задерживаю в своей руке ее ладонь. Пристально вглядываюсь в лицо. Она чуть бледнее обычного, но это нормально в сложившейся ситуации.

– Дим, Юль, это Александра. – Вот и все, без подробностей. Да и вряд ли они нужны, если Сашка – первая женщина, которую я привожу со стороны в нашу компанию.

– Очень приятно! – тараторят синхронно.

– Ну что, будем заходить? Или тут постоим еще? Вечерок чудный.

– Духотища такая! Как хотите – а я внутрь, – гудит, обливаясь потом, Димка.

– Пойдем, Юль. Вечерком потом насладимся. Наши-то, небось, уже все собрались. Одних нас ждут.

Юлька кивает и всю дорогу, что мы идем к бару, не сводит с Сашки глаз.

Нашу компанию замечаю сразу. Она самая многочисленная и шумная, несмотря на то, что вечер только начался. Конечно, и тут мы с Сашей оказываемся в центре внимания, но через пару минут начинается матч – истинный гвоздь программы, так что довольно быстро народ переключается – кто на трансляцию, кто на свежие сплетни. А я хоть и могу следить одновременно и за тем, и за другим, не спускаю глаз с Саши. Выдыхаю, лишь когда, с подачи Юльки, та невольно вовлекается в бабский треп. Через полчаса её напряженные плечи немного расслабляются, и она даже начинает смеяться, а через час – соглашается на второй бокал Гиннеса.

– Поешь, – шепчу я, – вот этот сыр в кляре очень вкусный.

– И брусничный соус к нему – чудо как хорош! – поддерживает меня Катюха. С ней мы знакомы меньше всего. Кирилл – мой друган детства, женился на ней недавно. Он один в нашей компании, за исключением меня самого, так долго холостяковал. Остальные женились, разводились, рожали детей – в общем, все по классике. Многие обзавелись штампом в паспорте еще в институте, застолбив девчонок, которых знали с детства. А ведь я тоже, можно сказать, тот еще однолюб.

Убаюканный гулом застольных речей, закрываю глаза и уношусь в прошлое.

Для того, чтобы принять участие в марш-броске, мне приходится идти аж к самому Салимову. Просто нет сил терпеть насмешки Жданова и его прихлебателей. А еще очень хочет-

ся проверить себя. Потому что тесты тестами, а вот реальное испытание на пределе физических возможностей – это совсем другое.

– Эй, Василек! Слышал, ты замахнулся на марш-бросок?

Переворачиваюсь на другой бок, чтобы не смотреть на этого идиота.

– И на кой оно тебе? М-м-м? Никак на Быстрову решил произвести впечатление? За цветочки эта сучка не дает? – смех, который подхватывают несколько человек, звучит так, будто принадлежит гиенам.

– Отвали от него, Жданов, – бросает Костя Стриж.

Косте-снайперу в будущей отработке отведена немаловажная роль. Он может себе позволить идти против лидера. Да и просто он – отличный парень.

– Да я ж ему добра хочу, Костян. Запомни, Василек, если Быстрова кому и даст, то мне. Готов поспорить.

Замираю. Привстаю, опираясь на руку, и поворачиваю голову:

– Давай.

– Я не баба, чтобы тебе давать, – гогочет Жданов. Смешно ему... Сплюываю на пол и уточняю:

– Давай поспорим. Она такую гниду, как ты, и близко к себе не подпустит.

Да-да. Тот давний спор был изначально об этом. А о том, что она подпустит меня – речи вообще не шло. Это потом Жданов все переиначил. И до Саши дошла уже его искажен-

ная версия. Если бы не это, кто знает, чем бы тогда все закончилось? Может, у нас с Сашкой уже бы тоже были дети, как у всех за этим столом.

Открываю глаза и встречаюсь с ее внимательным взглядом. Осознав, что я поймал ее за подглядыванием, Сашка резко отворачивается. Старательно делает вид, что её захватила Юлькина история. Но ее щеки розовеют. Она смущена. И это трогательное смущение заставляет мое сердце биться чаще.

Саша... Сашенька. Сашка.

– А как вы познакомились?

Я, наверное, должен был быть готов к такому вопросу. Но на деле он застаёт меня врасплох. Саша вновь напрягается. И чтобы ее успокоить, я соскальзываю рукой со спинки дивана ей на плечо и ободряюще сжимаю.

– Александра Ивановна была моим инструктором.

– Инструктором?! Как романтично! Ребята, вы только представьте. Она – офицер, он – влюбленный солдат. Наверное, у тебя не было никаких шансов, Орленок.

На самом деле был. И не один. Но это лишь между нами с Сашей. Поэтому со смехом я соглашаюсь:

– Ни единого. Безответная любовь разбила мне сердце.

– Ох, и крепкая же ты женщина, Александра Ивановна, – восхищенно цокает Юлька. – Ринатик наш тот еще ловелас. Клянусь, в разное время в него были влюблены все девчонки в классе.

– Эй! И ты тоже?! – в притворном возмущении вскипает Димон.

– Нет, я одна устояла, – хохочет Юлька, уворачиваясь от загребуших рук мужа. – И вот еще... Александра Ивановна.

– Просто Саша, – слабо улыбается та.

И я невольно вновь возвращаюсь в прошлое. Как раз к тому дню, когда она не устояла на самом деле. Оказалось, для этого мне было достаточно загреметь на больничную койку.

Это происходит на третий день марш-броска. Легкая боль в боку, которая беспокоит меня вот уже несколько дней, становится такой интенсивной, что у меня при каждом движении темнеет в глазах. Мы отрабатываем в условиях, максимально приближенных к военным – четыре часа на сон, никаких перекусов, и сухпаек только в холодном виде, поэтому поначалу я грешу на жрачку. Никому не жалуюсь, просто молча терплю.

– Ты что-то херово выглядишь, – замечает сопровождающий группу медик.

– Нормально, – шепотом отмахиваюсь я. Впереди ответственная задача – атака на движущийся объект. Я не могу провалить единственное порученное мне задание, поэтому, сцепив зубы, наполняю очередной презерватив розовой жижей. Такие снаряды у нас вместо гранат. Отрабатываем попадание в цель. Где-то вдалеке слышится гул мотора. Действуя максимально бесшумно, протягиваю руку за автоматом, и в тот же миг меня скручивает адская нестерпимая боль. Я ва-

люсь навзничь. Последнее, что слышу – обеспокоенный голос одного из бойцов.

В себя прихожу в палате. Скольжу расфокусированным взглядом по белому потолку, изборожденному сетью трещин. Снова выключаюсь, а очнувшись в следующий раз, начинаю водить по сторонам головой.

– Ринат... Слава богу. Ну, и напугал ты нас всех.

Саша! Ее голос узнаю сразу.

– Что случилось? – облизываю губы.

– Перитонит. Еле довезли тебя! Ты почему, гад такой, не сказал, что тебе плохо?! Что и кому ты хотел доказать?

– Тебе... – шепчу.

– Что – мне? – моргает Саша, и, клянусь, я вижу слезы у нее в глазах.

– Тебе доказать. Что мужик.

– О господи, Орлов. Доказал?! А если бы ты умер, а если бы тебя не вытащили... Что тогда? Ты обо мне подумал?

– Я только о тебе и думаю, Быстрова. Ты все это время у меня перед глазами стоишь. С первого дня, как увидел.

Она шокированно округляет рот, ее ресницы трепещут, и, явно не в силах справиться со своими эмоциями, Саша резко отшатывается. Да только кто ж ей позволит теперь? С непонятно откуда взявшимися силами хватаю ее за руку и только ближе к себе притягиваю.

– Ч-что ты делаешь? – шепчет она, не отрывая взгляда от моих приближающихся губ.

– Целую тебя, лейтенант. Целую...

– Гол! – врывается в мои мысли дружный ор. Я стряхиваю обрывки воспоминаний, кошусь на Сашу. Похоже, вопрос о нашей первой встрече выбивает ее из колеи даже больше, чем я мог подумать. Она напряжена гораздо сильнее, чем в самом начале вечера. Наклоняюсь ниже, почти касаюсь ее уха губами:

– Хочешь уйти?

Саша хочет. Я знаю. Вижу. Но в то же время она боится того, что произойдет потом, и не спешит приближать эту неизвестность. А я так надеялся, что до нее дойдет... Встаю, так и не дождавшись ответа.

– Эй, вы что, уже уходите?

– Угу. У нас завтра ранний подъем, так что думал и лечь пораньше.

– Ранний подъем с субботу?

– Ну, да. Мы за город планируем выбраться. На уик-энд.

– Живут же люди! – притворно завистливо вздыхает Мирина. – А я своего все зову-зову, а он денег жмет.

– Это кто жмет?

– Да ты и жмешь. Скажешь, нет?

Прощаемся со всеми под аккомпанемент спора Маринки и Егора.

– Хорошие у тебя друзья, – замечает Саша, когда мы усаживаемся в машину.

– Не жалеешь о потраченном времени?

– Нет, – она раздвигает губы в улыбке и опускает руку мне на колено. Ясно, к чему она клонит. Я сознательно замедляю дыхание. Так гораздо проще контролировать свою злость.

– Куда мы едем?

– К тебе.

– У меня не убрано, – прячет за улыбкой нервозность, но ни черта у нее не получается. Упираюсь локтем в стекло. Тру лоб. Я растерян. Диаметральные по своей сути эмоции разрывают меня на части. Я могу получить ее. Но я не хочу получить ее так.

– Я не буду подниматься.

– Не будешь? – Саша широко распахивает глаза. Её нервозность проступает сильнее, когда она резким, ломаным каким-то движением отбрасывает за спину волосы. – Послушай, но я бы хотела увидаться с отцом и...

– Чтобы увидаться с отцом, тебе достаточно просто попросить, Саша. Необязательно раздвигать передо мной ноги.

Она открывает рот, но тут же его захлопывает, так что клацают зубы. Отворачивается к окну и сидит, будто в рот воды набрав, аж до самого дома. Ее эмоции выдает лишь невротично дергающаяся жилка на шее. И уголки опущенных губ.

– Завтра я заеду к пяти утра. Будь готова, – говорю, паркуясь у ее дома.

– К пяти утра? – ее брови удивленно взлетают вверх. – Я думала, ты шутишь.

– Нет. Мой друг построил за городом отличный СПА-комплекс. Ехать часа два. Но оно того стоит. Думаю, тебе не мешает снять напряжение.

Саша вскидывает на меня злой взгляд, резко кивает и от души шмякает напоследок дверь.

Глава 7

Саша

Не сдержавшись, что есть сил хлопаю дверью, но в тот же момент жалею о своей вспышке. Машина у Рината шикарная. С ней нельзя обращаться так. К тому же подобные выходы не добавляют мне очков в глазах самого Орлова, но... Как он думал, яотреагирую? Ему вообще знакомо такое понятие, как сделка?! Ведь именно сделку мы с ним и заключили. Так какого черта он теперь воротит от меня нос? Чего добивается? У договора всегда две стороны. И лично я готова выполнить взятые на себя обязательства.

– Чтобы увидаться с отцом, тебе достаточно просто попросить, Саша. Необязательно раздвигать передо мной ноги. Как же чудовищно это звучит!

В такт стуку каблуков в ушах пульсирует кровь и колотится сердце. Я хочу понять. И не понимаю... Что вообще происходит, а?

Поднимаюсь к себе. Сбрасываю с ног туфли. Сажусь на банкетку и начинаю растирать гудящие ступни. Если бы он сказал мне, куда мы едем – я бы подобрала более соответствующий случаю наряд. А так его друзья наверняка решили, будто я вырядилась, чтобы произвести на них впечатление. Интересно, он всех своих любовниц знакомит с ними? Вполне возможно. И наверняка каждая из шкуры вон лезет, что-

бы им понравиться в надежде, что это поможет задержаться рядом с Ринатом.

Нет, все же я ожидала совсем другого. Может быть, поэтому то, что происходит в реальности, производит на меня настолько неизгладимое впечатление. Самое смешное, что мне всё-всё в этом вечере нравится. И бар, оказавшийся на самом деле довольно-таки неплохим, и улыбочивые лица друзей Рината. Их простота, незамысловатые разговоры о жизни и даже не всегда удачные шутки, над которыми все равно смеялись. Видно, что эти люди друг за друга горой. Сейчас такую дружбу нечасто встретишь. И совершенно невольно я проникаюсь этим всей своей сутью.

Все портит лишь финал. Ожидание смерти всегда хуже ее самой. Ринат наверняка это знает. И зачем-то специально держит меня в напряжении. Зачем?

Вздыхаю. Сгорбившись, иду в спальню. Раздеваюсь и ложусь в кровать. Знаю, что не усну без таблетки снотворного. Запиваю пилюлю водой, устанавливаю будильник и, несмотря на жару, укрываюсь с головой одеялом. К черту все. Я хочу просто выспаться, чтобы с новыми силами встретить завтрашний день.

Просыпаюсь по сигналу ровно в четыре утра. Могла бы поспать и подольше, если бы собрала вещи в дорогу с вечера, а так приходится пожинать плоды собственной лени. Плетусь к гардеробу. На этот раз я, по крайней мере, в курсе планов Рината. Кладу в спортивную сумку купальник, смену

белья, сарафан и на случай, если вечером тот решит вывести меня в ресторан – коктейльное платье. Я готова. У меня остается пятнадцать минут на то, чтобы, никуда не спеша, выпить кофе. На кофемашине по умолчанию установлен режим «латте», я замираю и в последний момент меняю его на «эспresso». Густой напиток горчит намного сильнее предательских слез. Я пью и глажу пальцами лепестки ирисов, которые чуть подвяли, потому что я забыла поставить их в воду.

Ровно в пять Ринат звонит в домофон. Впускаю его, в последний раз окидываю взглядом свое отражение в зеркале.

– Привет.

Он улыбается уголками губ и на секунду отворачивается, чтобы закрыть за собой дверь. В просторном коридоре мне в тот же миг становится тесно. На самом деле рядом с ним мне тесно даже в собственной коже. Хочется сбросить ее, как это делает змея. Стать другой, лучшей версией самой себя. И от осознания этого становится ужасно страшно. Ведь что бы я ни сделала теперь – моего прошлого не изменишь.

– Привет.

– Ты в прошлый раз забыла у меня сумочку. А вчера уже я забыл её тебе вернуть.

– Ох... А я даже и не заметила.

Забираю потеряшку и, зачем-то распахнув молнию, заглядываю внутрь. Что хочу там увидеть? Не знаю. Просто тяну резину.

– Так ты готова?

– Угу.

Откладываю сумочку и тянусь к баулу с вещами, но Ринат меня опережает. Вваливает сумку на плечо, отчего его мышцы обозначаются сильнее и выступают вены. Во рту пересыхает. И нет, никакой он не культурист, что бы там Юлька ни говорила. Но он... идеален. Худой, но не тощий. Мускулистый, но не раскачанный до смешного. Заматеревший, но не обрюзгший, как тот же Жданов.

Наши взгляды встречаются. Я сглатываю, однако во рту действительно настолько сухо, что этим я делаю только хуже. Горло немилосердно дерет.

– Все в порядке? – мне кажется, его глаза под непроницаемыми стеклами солнцезащитных очков смеются. А я, наверное, и есть смешная. Именно так себя ощущаешь, когда после долгих никому не нужных метаний решаешь себя продать, а потом выясняешь, что ты и даром никому не нужна.

– Да, можем идти.

От моего голоса веет могильным холодом. Настроение опускается до нуля.

– Пробок быть не должно. Может, доедем даже быстрее, чем планировал. Это действительно хорошее место для отдыха.

– Ты собираешься там со мной спать?

– А это все, что тебя волнует? – мне кажется, что Ринат крепче вцепляется в руль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.